

Светлана Леонтьева

АВТОБИОГРАФИЯ

ДЕТСТВО

Детство моё, самое лучшее из всех детств,
как Дон Кихот, Санчо Пансо, сплошная романтика.
И перочинным ножиком мой сосед
учит меня попадать прямо в яблоко.

Я, не как все, что мне сборы монеток и фантиков?
Мне с пацанами по крышам гаражным – в сугробы вниз.
Мне по-гайдаровски дедов спасать бы, ватников:
сбежать в аптеку за валидолом там, где КОГИЗ.

Ладить сугробы, снежками кидаться: бери, лови,
на пустыре у костра всей ватагой – гори оно!
Детство моё – это лучше большой любви,
это, когда дерёшься за пацанов
и прогоняешь «чужих» со своей земли,
то есть из нашего дворика «два на пять».
Помню, однажды сарай мы не уберегли,
и он сгорел, где другой нам такой же взять?

И мы из грязи пытались сарай сложить,
из золотой травы, из соломин и мха,
прятались долго-долго за гаражи,
кто покурить, посеCRETничать там впотьмах.

Мать упрекала: да что ты такая, в кого,
дерзкая, уличная?

Я – сама в себя!

Раньше прощала любому любое зло
так ненавязчиво, так хорошо, любя!

Вот нарожаешь, мне говорили, поймёшь
то, что костры в пустырях разжигать нельзя
то, что ножами играть нельзя, что нож
это опасно и в тире нельзя из ружья!

Я родила двоих, но не поняла,
да хоть сто двадцать бы родила детей.
Я их учила всегда обороне от зла
и потому, они самых добрых добрей!

ЮНОСТЬ

Слово «доверье» наивное, зверьё,
птичье, кошачье, как мягкие перья,
лёгкое! Слово пернатое! Верю,
хоть я обманута, может, без счёта:
вот, например,
позвонил мне мошенник,
лихо он так закрутил. Словом, вот я,
дура, ему отдала сумму денег...

Верю маньяку – мне было тринадцать,
он заманил под предлогом, что помощь
срочно нужна ему, не отозваться
я не смогла. Он повёл меня к дому,
как отбивалась я! Зонтиком! То есть
громко орала – и по бурелому
в гору бежала я по глинозёму.
После под душем я долго стояла,
с температурой слегла я устало.

Нет, он не сделал, не сунул, не жажнул,
нет, не дотронулся он своим пахом.
Я догадалась.
И я убежала.
Старый – гниёт он в аду, не иначе,
может быть, сгнил уже в хвостик свинячий!

Верю убийце! Тогда в Универе
в граде Уральском училась в вечернем.
Помню я нож, что блеснул в переулке,
помню я хватку его, дым в окурке.
Помню, как сердце стучало-стучало.
Но не кричала я. Горло засохло.
Вырвалась как-то: скользнула плечами,
куртку порвав всю до рёбер, до вдоха...

Может быть, в скорбном я Афганистане,
крепко схватившись за Боинг ногтями
тоже б не сдохла?
Как дырка от бублика.
О, моя публика!
А вот Россия – ах, дно моё синее,
рыжее, пьяное и скоморошьё...
Эй, ты фашиствующий и кто в спину мне,
кто абажур из моей сделал кожи бы,
лучше зверей только зверь оцетиненный,
хуже зверей те, кого перечислила.
Вот и борюсь!
Отмываю век имя я,
если понадобится – кровью лично!

ГРАД-НА-ВОЛГЕ И ОКЕ

Особинка этого города в том,
что он просто Горький. Всегда Горький город.
И он Нижний Новгород, Сормово в нём
и Автозавод тоже, как три в одном,
И вот ты идёшь, приподняв выше ворот!
И вот исчезаешь уже за углом:
твоя сигарета,
твой запах,
геном.

Особинка этого города в том,
что в местной, дешёвой, простой пирожковой
всегда и театр, и Крестьянина Дом,
Бугровское кладбище, скос Гребешковый!
Яриловы горы и Дятловы горы.

Таджик, подметающий наши двory,
таджик, мастерящий стропила для церкви:
поэты в тени, к солнцу путь – в Москву, к центру,
Град Неба, рожаящий тьму и плаценту.
Град Гений – Каширин, ножи, топоры,
татарский мой город: лён, кожа, яры!

Покуривая, крепко пьющий в молве
он с Мариенгофом живёт в голове!
А в жилах его не ругаясь, не злясь,
сам Горький с женою любовную связь
сквозь нас,
подле нас, прямо в нас
продолжают
утопией Ленина и Кампанеллы:
«О, как нам свести наше небо на землю!»

Особинка этого города в том
и своеобразии, своеобразности,
особенности, неповторимости, двуличности,
лица выражение, мнение, пение
искусанным в кровь, словно в потугах ртом,
рожать мне! В Зачатьевской башне плоть в ком
во мне собралась жарко, веще, кровяще
болит поясница. И доктор – Христом
ко мне склонился! Как к прочим молящим!

Мне больно от города. Больно и всё!
В его неприятии и восприятии
вращается, жадно скрипя, колесо
истории всей.
Нашей нищенской братии!

* * *

Моё поколение привыкшее глоткой
брать, штурмом препятствия, склоны, заслоны,
мои матерщинники, пившие водку,
мои критиканы и циники! Зоны
по нам плачут. Ибо нам ближе Лимонов!

Моё поколение сдаваться не станет,
воспитанное Зоей, звавшейся Таней.

И мне Нестор-мних и чудесней и ближе,
хотя я толклась на базарах КОГИЗа.

О, как же нас тьмы – светом жарким пронзённых,
мы рвёмся в гробы наших предков, их, дерзких,
и предки кричат также грубо, жаргонно
на всех языках, сколько знаю я, детских!
На флагах огромных и красных, чьё древко
они передали:

– Держи, моя детка!

Да не упускай ни в каких поединках!

И в Брежневских мы и в Хрущёвских ботинках.

Нутро продолбленное

пионерлагерем!

У нас всё нутро – «взвейтесь, ночи, кострами!»

По клюквенным жилам течёт Янка Дягилева

к нетленной своей Богоматери-маме!

Глаза у неё невозможнейше синие!

И город мы Горький зовём самым сладким!

И коль помирать, только лишь за Россию нам,

и коль возноситься – всегда за Россию нам

с такой же звериной и птичьей повадкой!

Мы – болт и мы – гвоздь во гробах, и мы – гаечки.

Чем больше нам лгали, тем больше мы верили...

Нет крепче, чем наши, костей, чем скрепляется

священность раздробленной нашей империи,

Юродивые и в позоре, и в славе мы,

неся ея крест, преданный и обхаянный,

но сколько нам вслед не кидались камнями бы,

не злобствовали, не травили, не лаяли,

для нас наша Родина – лучшая, первая!

СЫН

...одеяльце пуховое. Памперсы. Сок.
Да! Я сына рожу. Он тяжёленький весом.
И к груди приложу, чтоб вцепился в сосок.
Я – полезной едой, заменяющей смеси,
я – живящей водой.
Подрастай, милый мой!

Мы с тобой молоком пахнем, кашкой овсяной.
расскажу тебе быль: век двадцатый, румяный,
в диких бурях песчаный, из ситца он тканый.
Он звездой когда-то сиял пятигранной.
Будем парус Ассولي мы шить в выходной.

О, я сына рожу! Медсестра, девки, бабы!
Разбрюхайте мне тело. Луну, Марсы, космос!
Арарат мой! Дорог моих ямы-ухабы,
хохломы деревянной, ложкарничьей роспись!

Да! Я сына рожаю в Русь, в звёзды тугие!
Всей любовью рожаю и всем православьем!
И вздымаются трубы в окне заводские.
Не учусь умирать. А учусь пресвятые
извергать в небо плачи всем сном и всей явью!
И рожать во Вселенную! В самую мякоть!
В Спас медовый! Малыш мой! Гляди: нынче август!
Отчего же мне, матушке, хочется плакать?
Целовать твои метрики, справочки, паспорт!
Пеленать и тютюшкать. Дожди греть на сердце!
До рожденья. Зачатья. И до появленья.
А сейчас ты родился. Прижался, Согрелся.
Я и землю согрела бы до окрыленья!

Для него, для сыночка собой амбразуры
бы накрыла. И атомный гриб в Хиросиме.
А ещё до того бы шагнула в Везувий.
Я молитвенней всех, всех молебней, хранимей!

Я всегда пред тобой. Над тобою. Я возле.
Я на все времена, мой ребёнок. Сыночек.
Не учишь распинать. Предавать. Лживо ползать.
И не верь в то, что мир невозможно стервозен,
Ты счастливый всегда! Твой целую височек.

Божий сын мой! И все, все мы – Божии дети!
А тогда, когда стану старушкой седою,
перелей мне надежду, которая светит,
ты в детишек своих! А пока я прикрою
амбразуру всем телом. Как есть – молодую!

СНОХА

Беременная внуками моими,
огрузлая средь солнечного дня,
сноха ли, Магдалина ли, Мария
святая, грешная, но всё равно моя!
Идёшь, плывёшь ли бережно, покато,
в тебе, во чреве, в розовом нутре
они – живые! – им бы лишь созреть,
они любимые, мои внучата!

Беременность не красит никого:
лицо в пигментных пятнах, лоб отёчен,
от варикоза съехавший чулок,
но ты прекрасна! Ангельские очи!

Все Богородицы вокруг и вкруг тебя:
Владимирская руки распротёрла:
– Тебе не больно, милая, не больно?
А Тихвинская шепчет хлебосольно:
– Ступай по тропке,
ветки где хрустят!

Я слышу этот хруст. И гвалт. И гром.
Как тощей ты рукой вцепилась в руку...

Мой внук – солдат! Он должен быть рождён,
чтоб родину сберечь сквозь злую выюгу.

Вот эту хлипкую, родную нашу топь,
вот эти клюквой полные болота.

Мы все рожали, раздиралась плоть!
Мы сами вышли из кроващей плоти!

Орало горло:

– Женщина, ещё! Вдох-выдох, вдох,
рыдай, кричи, рожая!
Рожала мама. Бабка – четырёх,
прабабушка шестнадцать – молодая.

В безудержность да в крик, да в забытьё
рожай и ты! О, деточка, родная,
дитя своё! Не слушай вороньё,
зегзиц и Ярославн,
Купавн. Снедает
нас всех усталость. Немощность. Всё-всё...
Как мне найти тебя такую, где ты, где ты?
Кормящая,
рожающая? Сон
ты мой всевечный, отводящий беды?

Внук не рождён, но я его люблю,
и внучка нерождённая любима!
...Идёт, идёт беременная мимо
ужели не внучатами моими?

Хочу такую же, Господь, мою!

г. Нижний Новгород